

Научная статья
УДК 94(470)“16/18”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_72

«БОГАЧ ДО ПЕРВОГО БУРАНА»: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ
ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ СУРОВЫХ ЗИМ В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ

Шургучиева Юлия Сергеевна^{1✉}, Горяев Мерген Саналович²

^{1,2} Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

¹ sidorkina.yuliya.20@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1538-8429>

² mergengoryaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3073-1889>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена климатическими особенностями Калмыцкой степи и основным направлением хозяйствования автохтонного населения — экстенсивным скотоводством. Целью статьи является изучение правительственных мероприятий, направленных на преодоление последствий суровых зимних периодов в кочевых обществах Юга России, на примере Калмыцкой степи Астраханской губернии. Основой источниковой базы послужили документальные материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Национального архива Республики Калмыкия, к которым относятся рапорты улусных попечителей, циркулярные распоряжения главного попечителя калмыцкого народа, приказы губернатора, а также распоряжения министра земледелия и государственных имуществ. Использование метода исторической реконструкции позволило восстановить событийный ряд мероприятий имперских властей разных уровней, направленный на обеспечение без ущерба для скотоводов выхода из зимовки. Последующее применение историко-типологического метода способствовало проведению классификации предпринятых мер на те, которые были направлены на устранение последствий, тяжёлой зимовки и превентивные меры, призванные предупредить возможный ущерб, обеспечив сохранение и рост благосостояния населения. В заключении авторы отмечают, что предпринимаемые меры имели положительные результаты, однако к кардинальным изменениям они не привели. Зависимость экстенсивного, кочевого скотоводства сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, калмыки, кочевники, кочевые общества, скотоводство, зимовка скота, погодные условия, продовольственная помощь, материальная помощь, ссуда

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Шургучиева Ю. С., Горяев М. С. «Богач до первого бурана»: правительственные меры по преодолению последствий суровых зим в кочевых обществах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 72–80. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_72.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

"RICH BEFORE THE FIRST STORM": GOVERNMENT MEASURES TO OVERCOME THE EFFECTS
OF SEVERE WINTERS IN NOMADIC SOCIETIES

Julia S. Shurguchieva^{1✉}, Mergen S. Goryaev²

^{1,2} Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

¹ sidorkina.yuliya.20@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1538-8429>

² mergengoryaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3073-1889>

Abstract. The importance of the study is conditioned by the geographical placement of the Kalmyk plateau, its climate characteristics as well as the main activity of its native inhabitants - active cattle breeding. The purpose of the article is to examine governmental aid, which was directed at overcoming the aftermath of harsh winter periods in the southern nomadic societies using the Kalmyk plateau of Astrahan province as an example. Base material for this article has been sourced from the documents from fund of the Russian historical archive, as well as the national fund of Kalmyk republic. Such documents included reports of ulus trustees, circular orders of the Head trustee of the Kalmyk people, orders of the governor as well as orders of the minister of agriculture and government property. The use of the historical reconstruction has helped determine and classify the methods that were used to aid the elimination of the consequences of a harsh winter as well as the preventative methods set in place to prevent future damage and ensure a growth of the nation's welfare. At the end of the articles the authors note that while the methods used had positive impact, they did not lead to any big change. The reliance on nomadic, scattered pastoralism remained through the entire time period viewed.

Keywords: Kalmyk plateau, Kalmyk people, nomads, nomadic society, wintering of livestock, climate conditions, rations supply, material aid, loan

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Shurguchieva Ju. S., Goryaev M. S. "Rich before the first storm": government measures to overcome the effects of severe winters in nomadic societies. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 72–80. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_72.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Южные степные окраины Российской империи на протяжении нескольких столетий являлись местом кочевания ряда народов, преимущественно занимавшихся экстенсивным скотоводством. В начале XIX в. ситуация практически не изменилась. Известный исследователь истории кочевых народов Ф. Л. Синицын объясняет это малой пригодностью большей части калмыцких земель для земледелия, что обусловило отсутствие интереса российской власти в плане её колонизации [27, с. 114]. Люди по-прежнему во многом зависели от природы, что объяснялось незавершённостью интегративных процессов. Например, по утверждению П. И. Небольсина, «в калмыцкой перекочёвке, в перекочёвке киргизов и других народов мы найдём строгую последовательность, строгую систему, которая докажет, что порядок и гармония господствуют и здесь, как и во всём мире» [20, с. 177–178]. Кочевники, обладая системой хозяйствования, адаптированной к природным условиям, в которых они проживали, не всегда справлялись с последствиями суровых зим и знойных летних периодов. По этому поводу Л. Н. Гумилёв писал, что «оптимальные условия для кочевых культур, базировавшихся на натуральном хозяйстве, возникали при определённой степени увлажнения, выше и ниже которой условия жизни ухудшались» [4, с. 41–55]. Имперские власти на протяжении первой половины XIX в. только пытались наладить получение систематических данных о регионе и его населении. Соответственно, возникновение кризисных ситуаций в кочевых обществах, вызванных негативными природными факторами, не позволяло не только предотвратить нанесение ущерба хозяйству, но и оперативно оказать помощь населению.

Предметом исследования данной статьи выступают правительственные меры по преодолению последствий суровых зим в кочевых обществах Юга России на примере Калмыцкой степи Астраханской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Проблема особенностей скотоводческого хозяйства в условиях экстенсивного способа его ведения на протяжении ряда десятилетий является одной из самых разрабатываемых, что способствовало формированию богатейшей базы, основанной на различных подходах и методах исследования [24; 6; 29]. Исследователи калмыковедческого направления исторической науки также внесли свою лепту в разработку кочевниковедения. Основные черты калмыцкого скотоводческого хозяйства конца XIX – начала XX в. определил известный учёный-историк У. Э. Эрдниев [30]. Авторы фундаментального труда «Очерки истории Калмыцкой АССР» не могли обойти своим вниманием столь актуальную проблему, отметив, что «в начале века калмыки имели более 1 млн 200 тыс. голов скота, в 20–30-х гг. скотоводство пришло в упадок; улучшение наступило в 40-х гг., но количество скота к середине века не достигло той цифры, какая наблюдалась в начале века» [23]. Исследователь социально-экономического развития Калмыкии XIX в. А. Н. Команджаев утверждает, что именно экстенсивные методы хозяйствования объясняют резкие перепады численности поголовья животных Калмыцкой степи в разные годы [5]. Зависимость производственного цикла трудовой деятельности калмыков от природно-климатических условий отмечается коллективом авторов, которые в своём исследовании утверждают также о высокопродуктивности традиционного скотоводческого хозяйства кочевников [1]. В своей работе В. В. Батыров приходит к выводу о высокой степени адаптации кочевое скотоводства [2]. Однако специальных исследований, посвящённых предмету исследования данной статьи, к сожалению, нет, что предопределило актуальность исследования.

Основная часть

Зимний период в калмыцких степях зачастую характеризовался суровыми погодными условиями, когда очень низкие температуры, сопровождаемые метелями, сменялись недолгими потеплениями, в результате пастбища покрывались наледью, лишая скот подножного корма, к чему также приводили обильные снегопады. Следствием таких зимних периодов становится падеж скота. В условиях, когда скотоводческая продукция является фактически единственным источником благосостояния населения, закономерны масштабы ущерба.

Проблема преодоления зимнего периода кочевниками, ведущими экстенсивное скотоводческое хозяйство, вызывала особенное беспокойство властей разных уровней. Первый военный губернатор Астраханской губернии, генерал-лейтенант В. Г. Пяткин, уведомляя столичные власти о критическом положении в Калмыцкой степи вследствие суровой зимы 1831–1832 гг., привёл следующие статические данные о падеже скота: 2 481 верблюдов, 14 470 лошадей, 7 850 голов рогатого скота и 77 177 баранов. При этом отметил, что «скотоводство у калмыков составляет единственный источник благосостояния», он обратился с просьбой направить особого чиновника министерства внутренних дел с целью сбора сведений о состоянии скотоводства в степи, попутно «обозревая порядок нынешнего управления» [26, л. 1].

17 июля 1832 г., спустя пять месяцев после поступления на должность, министр внутренних дел Д. Н. Блудов представил на рассмотрение императора Николая I доклад «о расстройстве и упадке скотоводства у калмыков Астраханской губернии» [12, л. 1–1 об.]. По результатам высочайшего рассмотрения на листе с текстом документа была сделана пометка: «Государь император изволил рассмотреть в Петергофе 20 июля 1832 г. Писано министру внутренних дел 25 июля № 1315». Неоднократно зимовка скота в Калмыцкой степи становилась предметом обсуждения на высочайшем уровне. Однако на протяжении первой половины XIX в. на практике достигнуть кардинальных изменений не удалось. Любые действия со стороны имперских властей в отношении инородческого населения нуждались в достоверных сведениях, процесс налаживания сбора которых оставался актуальным. Например, летом 1881 г. губернские власти в очередной раз озаботились проблемой выяснения объективной картины калмыцкого хозяйства. С этой целью 1 августа канцелярия губернатора запросила от Управления калмыцким народом данные «о местных обстоятельствах и условиях хозяйств, соответствующих или препятствующих развитию различных отраслей хозяйства, а также в изыскании мер к устранению причин, препятствующих успехам хозяйства и к усилению сельскохозяйственной производительности и улучшению местного скотоводства» [12, л. 1]. В свою очередь Управление калмыцким народом с этим циркуляром в приложении разослало правила проведения сельскохозяйственных съездов, организация которых планировалась на 10 августа в Саратове, где для выступления губернатора и требовались запрошенные сведения. Закономерно, что Главное управление калмыцкого народа на этот запрос вынуждено было ответить отказом по причине короткого срока и отсутствия актуальных данных, распоряжение о присылке которых только 5 августа было разослано всем улусным попечителям и заведующим отдельными частями улусов. Ответы от улусных чиновников, указывающих на скотоводство как единственное возможное направление, стали поступать только во второй половине августа. По вопросу об обстоятельствах сложилась универсальная формула: «к развитию оного (скотоводство. – *Прим. авторов*) препятствий не предвидится, и не высказывается мер к улучшению» [12, л. 9 об.], которая в общих чертах отражала настроение инородческой администрации к изменению ситуации в степи. Однако попытки предотвратить трагичные последствия не прекращались. Так, 16 сентября 1897 г. канцелярия губернатора направила Главному попечителю калмыцкого народа распоряжение генерал-лейтенанта М. А. Газенкамфа о приглашении 27 сентября в 7 часов вечера всех улусных попечителей и заведующих отдельными частями «для совместного обсуждения мер, имеющих целью облегчить экономическое положение калмыков в предстоящую зиму» [16, л. 1–1 об.]. Каждому из улусных чиновников предписывалось подготовить всю информацию о состоянии улуса и готовности его населения к зимовке. Управление калмыцким народом после получения приглашения от губернатора распорядилось «немедленно донести» о готовности к зимовке подведомственного улуса, указав на возможность её проведения без правительственной помощи. Особым вниманием наделялись «беднейшие семейства». Обозначив дату предстоящего совещания при губернаторе, канцелярией в циркуляре обращалось внимание на вопрос «о мерах поддержания калмыцкого скота в предстоящую зиму» [16, л. 4].

Основываясь на кризисных годах для калмыцкого скотоводства, ранее выявленных И. В. Лиджиевой, к которым во второй половине XIX в. были отнесены 1874 / 1875 гг.; 1879 / 1880 гг.; 1892 / 1893 гг.; 1895 / 1896 гг. [7, с. 1117], нам удалось классифицировать предпринимаемые органами власти действия на те, которые были направлены на ликвидацию последствий и превентивные меры.

1. Правительственные меры, направленные на оказание помощи пострадавшему населению

1.1. Продовольственная и материальная помощь

О наступлении критических погодных условий для находящегося на пастбищах скота улусная администрация сообщала в Главное Управление калмыцким народом, которая в ответ запрашивало предварительные данные об ущербе и инициировало ревизию, для проведения которой в улус командировался чиновник по особым поручениям. На основании его отчёта, где предлагались и меры по устранению последствий суровой зимовки, начинался процесс организации помощи населению. Так, в марте 1876 г. заведующий Икицохуровского улуса Н. И. Малеванов сообщает чиновнику, что «зима в улусе началась 10 ноября, и снег был $\frac{3}{4}$ аршина, а в некоторых местах более аршина глубины, снежные метели и морозы продолжались с 17 ноября до первых чисел февраля 1876 г.» [10, л. 189]. Значительный снежный покров и сильный ветер парализовали жизнь в улусе, по сообщению Н. И. Малеванова, «многие из калмыков не выходили из кибиток, а для приготовления пищи жгли старые кошмы и термы кибиток, а скот их оставался под снегом без корма» [10, л. 189 об.].

Продовольственная помощь заключалась в раздаче наиболее пострадавшим семьям муки и чая, закупленных на средства калмыцкого общественного капитала. Представитель от улусной администрации, попечитель или его помощник приезжали в Астрахань для получения продуктов, и по приезде в улус раздавали их согласно заранее составленным спискам. В связи со значительным падежом скота администрация не ограничивалась только оказанием продовольственной помощи. Калмыкам, лишившимся скота, выдавали пособия или ссуды на его приобретение. Так, на основании ходатайства главного попечителя калмыцкого народа А. Г. Кандибы по завершению зимы 1875 / 1876 г. на эти цели из общественного калмыцкого капитала по распоряжению министра государственных имуществ П. А. Валуева было выделено 43 500 руб., из них израсходовано 34 500 руб. [10, л. 415–415 об.].

Стремясь предотвратить негативные последствия низких температур, метелей и обильных снегопадов, 30 ноября 1875 г. канцелярия по распоряжению главного попечителя А. Г. Кандибы циркулярно запросила сведения о том, насколько природные явления могут повлиять на благосостояние народа. Одновременно рекомендовалось распределить социально незащищённые лица (больные, вдовы, сироты и вообще неимущие) по хурулам и зажиточным скотоводам [11, л. 9].

В соответствии с данными, приведёнными в годовом отчёте Управления калмыцким народом за 1892 г., отдельным улусам, население которых наиболее пострадало в зиму 1891 / 1892 г., было выделено 18 000 руб. и розданы в качестве пособия мука и чай [9, л. 13].

По данным губернских отчётов, зима 1895–1896 г., которая началась в первых числах ноября и закончилась в последних числах марта, нанесла значительный ущерб калмыцкому скотоводству. В большей степени урон понесло овцеводство: почти в 18 раз сократилось количество тонкорунных овец, в два раза — простых и на 22 007 лошадей, 5 053 рогатого скота и 50 верблюдов [21; 22]. Летом 1896 г., во время командировки по Калмыцкой степи, астраханский губернатор М. А. Газенкамф отметил, что в прошлую зиму 1895–1896 г. более всего пострадали калмыки Харахусовского, Икицохуровского, Александро-Багацохуровского и Александровского улусов [18, л. 14 об. – 15].

Последствия зимовки в Харахусовском улусе детально описаны в отчёте чиновника особых поручений Управления калмыцким народом П. И. Богданова, который в июле 1896 г. объездил все хотоны и выявил следующее: в улусе проживало 1 513 семей, которые до зимы 1895 / 1896 г. имели 11 045 лошадей, 4 377 голов рогатого скота, 3 140 верблюдов и 76 987 баранов и коз. После завершения зимнего периода осталось: 1 682 лошади, 1 275 голов рогатого скота, 990 верблюдов и 5 535 баранов и коз. Сумма ущерба, понесённая населением степи, составила 902 238 руб. Из 1 513 семей не имеют скота 758, а в 99 семьях осталась или одна корова, или одна лошадь, или один верблюд. 180 семей проживают в джелонах (шалашеобразная полукибитка. — *Прим. авт.*), 16 вовсе не имеют никакого жилья [15, л. 239]. Весенне-летний период, несмотря на хороший урожай трав, не улучшил ситуацию в улусе. Надежды на продажу сена не оправдались в связи с низким спросом по причине сокращения поголовья скота и повсеместного хорошего травостоя. Число наёмных калмыков, работавших в хозяйствах крупных скотоводов, сократилось более чем в десять раз [15, л. 239 об.]. Отсутствие заработка и доходов от продажи сена и скота привели население улуса в плачевное положение. Чиновник особых поручений П. И. Богданов не ограничился просто сбором сведений, совместно с улусным попечителем А. Д. Соловкиным им был разработан проект мероприятий, направленных на улучшение положения пострадавших калмыков. Прежде всего, население Харахусовского улуса нуждалось в продовольственной помощи, которую предлагалось организовать выдачей в течение трёх зимних месяцев муки и кирпичного чая. 758 семьям, которые полностью лишились хозяйства, выдать беспроцентную ссуду сроком на шесть лет на приобретение по одной дойной корове и пяти баранов. Выделение суммы на приобретение пяти баранов предполагалось 99 семьям, оставшимся с одной единицей скота. По пять рублей выдать 857 семьям на приобретение зимней одежды и обуви. Учитывая тяжёлое социально-экономическое положение населения улуса, авторы проекта рекомендовали освободить их от платежа кибиточного сбора и ссуды из вспомогательной кассы.

В начале XX в. окончательно сложилась практика выдачи калмыкам по распоряжению министра земледелия и государственных имуществ из средств общественного калмыцкого капитала ссуды на определённый срок для приобретения ими скота и закупки кормов в случае неурожая трав. Так, в 1901 г. калмыкам северной части Малодербетовского улуса было отчислено 2 000 руб. в виде ссуды на закупку кормовых средств с возвращением в течение трёх лет без начисления процентов [19, л. 1].

Ознакомившийся с состоянием улуса, М. А. Газенкамф в июле 1896 г. в письме И. С. Картелю писал: «я убедился в полном расстройстве экономического благосостояния населения, потерявшего 9/10 скота в зиму 1895/96 г». Далее он сообщил об обращении к министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову за помощью, «без которой они нынешней же зимой могут почти поголовно погибнуть» [15, л. 338]. В сентябре П. И. Богданов в рапорте в Главное управление указывал, что отдельные семьи вынуждены отправлять своих детей «для прокорма» к однохотонцам, а сами проживать благодаря помощи духовенства ближайших хурулов [15, л. 341]. Одновременно поступивший рапорт Соловкина дополнял картину трагедии [15, л. 342].

В качестве меры помощи пострадавшим губернатор предложил «обратить часть доходов с оброчных статей не в общественный калмыцкий капитал, а в счёт уплаты на общественные надобности за калмыков тех улусов, которые более пострадали от падёжа...» [18, л. 14 об.].

К проблеме соплеменников не остались безучастными калмыки других улусов. Так, потомственный почётный гражданин, старшина Зюнгарова рода Икицохуровского улуса Базыр Эрдниев отправил одну ширу (один тюк. – *Прим. авт.*) чая в 45 досок. Продовольственная помощь была оказана зайсангом Икицохуровского улуса, Тохан-Кесикова рода Цереном Бадмаевым, а также проживающими в степи торговцами Андреем Петровичем Стороженковым и Валерианом Михайловичем Якуниным. Сам М. А. Газенкампф, понимая безвыходность ситуации с источниками финансирования, для оказания действенных мер для развития Калмыцкой степи использовал даже средства своей супруги Анны Адольфовны — председательницы Астраханского благотворительного общества. Супругами были переведены средства в калмыцкий общественный капитал в размере 1 560 руб., вырученные от проведения спектакля [8, с. 191].

2. Превентивные меры

2.1. Поиск пастбищ за пределами Калмыцкой степи

Учитывая тяжёлые последствия прошлой зимы, ещё в августе 1897 г. М. А. Газенкампф в своём письме Главному попечителю калмыцкого народа Ф. А. Агафонову писал: «Озабочиваясь обеспечением калмыцкого скота кормами в предстоящую зиму, я обратился с запросом к г. Начальнику Терской области о том, возможно ли в случае надобности пригнать в её пределы скот на зимовку» [17, л. 2]. Отказ последовал в двух телеграммах. В первой начальник области, генерал-майор К. К. Гунниус, обосновывал свой ответ заготовлением незначительных запасов сена по причине малого количества трав, в связи с чем местные жители сами будут испытывать дефицит продовольствия. Во второй уведомлял о появлении чумы на рогатом скоте в Караногайском приставстве. В этих условиях М. А. Газенкампф констатировал необходимость изыскания способов для прокорма скота собственными средствами. С этой целью спешно в Калмыцкую степь был командирован чиновник особых поручений П. О. Зубович, так как уже 3 сентября предстояло докладывать о сложившейся ситуации министру государственных имуществ М. Н. Островскому, планирующему проезжать через Астрахань.

2.2. Съезды калмыцких скотоводов

Экстенсивное скотоводство вкупе с суровыми зимними периодами наносили значительный вред калмыцкому хозяйству. В целях недопущения падёжа скота органы власти совместно с калмыцкой знатью предпринимали ряд превентивных мер, призванных обеспечить выход из зимовки, если не без ущерба, то хотя бы с минимальными потерями. С этой целью при Главном попечителе калмыцкого народа в 1886 г. впервые были созданы представители калмыцкого народа, куда входили правители улусов, зайсанги и выборные от скотоводов для обсуждения путей выхода. Подобные собрания получили название съездов калмыцких скотоводов. Так, в августе 1889 г. Управление калмыцким народом циркулярно уведомило всех улусных попечителей и заведующих отдельными частями улусов о приурочении к предстоящей выставке калмыцкого скота на урочище Утта, запланированной на 19 сентября, съезда скотоводов, где предстояло определить места зимних кочевков [14, л. 6–6 об.].

Решения съезда, созванного в сентябре 1888 г. в Астрахани И. С. Картелем, председательствовавшим как главный попечитель, получили утверждение, о чём уведомил Управление калмыцким народом 6 октября 1888 г. астраханский вице-губернатор А. Г. Бринкман. На съезде в результате обсуждения были очерчены границы так называемых Чёрных земель, т. е. территорий, включённых в хозяйственный оборот для выпаса скота со всех улусов степи в случаях крайней необходимости с 1 ноября по 15 марта. К Чёрным землям была отнесена южная часть калмыцкой степи, ограниченная с юга Ставропольской губернией и Терской областью, а с севера — линией, идущей от п. Шандаста через п. Элиста и урочище Хара-Зууха до границы Эркетеновского улуса, с включением территории всего улуса [13, л. 4 об.]. Пользование Чёрными землями до 1885 г. происходило без всяких ограничений. Впервые порядок пользования этими землями был оформлен в 1885 г. на съезде скотоводов и подтверждался ежегодными решениями. В отношении нарушителей этих правил применялись штрафные санкции в размере 1 коп. с одной головы мелкого скота и 4 коп — с крупного за каждые сутки несвоевременного пребывания. В случае наступления поздней зимы сроки пребывания на Чёрных землях продлевались до 1 апреля. Суммы, полученные в виде штрафов, отчислялись на организацию охраны Чёрных земель. Для надзора за этой территорией назначался чиновник особых поручений В. А. Зварковский (в 1889 г. — Шавердов), а расходы на покупку и содержание жилья распределялись между всеми улусами, кроме Яндыковского и Александровского, пропорционально числу окладных кибиток. В распоряжение этого чиновника направлялись два стражника: по одному из Эркетеновского и Икицохуровского улусов, а также депутаты от всех улусов, кочующих на определённый момент на Чёрных землях. Например, в 1889 г. заимообразно из средств общественного капитала было ассигновано 330 руб. в месяц [14, л. 59]. Важно отметить, что по предложению главного попечителя калмыцкого народа осенью 1889 г. Управление калмыцким народом внесло изменения в решения съезда о привлечении всех налогоплательщиков к несению расходов на содержание полицейской стражи и чиновника на Чёрных землях. По мнению Главного попечителя калмыцкого народа И. С. Картеля, существующее «распределение крайне несправедливо, так как при покибиточном

сборе платят один и тот же сбор; калмык, вовсе не имеющий скотоводства, и самый крупный скотовод» [14, л. 44]. В связи с этим было признано заменить систему покибиточного сбора сбором только со скотоводов, собрав сведения о количестве скота у каждого из них.

Всё остальное пространство степи оставалось доступным для всех на определённых условиях. Так, при перекочевке на Чёрные земли через территории других улусов калмыки могли пользоваться их пастбищами и водопоями. Скотоводы, кроме Яндыковского и Александровского улусов, при дефиците подножных кормов в летний и осенний период могли временно перекочевывать после снятия покосов и в другие улусы, за исключением Александровского и Эркетеновского. На этот случай по своему желанию перекочевать калмыки обязаны были предупреждать улусную администрацию с указанием урочища, а последние, в свою очередь, — попечителя того улуса, в границах которого оно находилось. Перегон скота на Чёрные земли осуществлялся не каждый год, и скотоводами не всех улусов. Режим использования Чёрных земель во многом зависел от погодных условий зимы. Например, 27 февраля 1889 г. чиновник особых поручений В. Зварковский, докладывая в Управление калмыцким народом о проведении зимовки на Чёрных землях, указал, что до 1 января калмыков из других улусов, кроме Эркетеновского и Икицохуровского, не было. С 1 января начали подтягиваться калмыки южной части Малодербетовского улуса. В общей сложности на Чёрных землях перезимовало до 150 тыс. овец и 12 тыс. лошадей, по оценке В. Зварковского, «весьма благополучно, с незначительной потерей скота, который околевал не от бескормицы, а от сильных морозов и шурганов» (метелей. — *Прим. авт.*) [13, л. 43 об. — 44]. Уже 4 февраля Зварковский, сообщив в Управление об откочевке калмыков в свои улусы, просит о разрешении вернуться в Астрахань [13, л. 40]. Сравнительно мягкие погодные условия, достаточный запас корма для скота мог позволить проводить зимовку на пастбищах в границах своего улуса, не отягощаясь дальними его перегонами.

Съезд ходатайствовал о запрете допуска выпаса скота посторонних лиц на свободных землях Эркетеновского улуса и разрешении беспрепятственной перекочевки из степных улусов в Мочаги и обратно [13, л. 11–11 об.]. Подобная практика допуска скота, принадлежащего крестьянам соседних губерний, за определённую плату существовала и ранее.

В 1891 г. калмыки Эркетеновского улуса и заведующий Икицохуровского улуса возбудили вопрос о введении запрещающих мер на перегон скота на Чёрные земли из северных улусов. В соответствии с правовыми нормами ст. 444 и 555 «Положения об инородцах» [25, с. 560, 568], в 1899 г. Управление калмыцким народом принимает решение о запрете использования в качестве пастбищ Чёрных земель для скота других улусов. Противоречащая закону практика, по мнению чиновников, не способствовала развитию рационального поведения кочевников, которые «рассчитывая прокормить свой скот на Чёрных землях, не делают запасов сена» [28, с. 258].

Очередной раз возвращение к вопросу о перекочевках на Чёрные земли состоялось на съезде улусных попечителей 21 мая 1907 г., где заслушался доклад попечителя Эркетеновского улуса П. А. Муликовского «О воспрепятствовании кочевкам на Чёрные земли скотоводам прочих кроме Эркетеновского, улусов». По результатам обсуждения съезд принял решение рекомендовать Управлению калмыцким народом санкционировать «вкочевки на Чёрные земли лишь в исключительных случаях» [28, с. 256].

2.3. Съезды улусных попечителей

Одна из актуальных проблем хозяйственного развития Калмыцкой степи не могла быть обойдена вниманием съезда улусных попечителей, созываемого в первое десятилетие XX в. На заседании, состоявшемся 3 декабря 1904 г., заслушивался представитель астраханского губернского присутствия А. Н. Вольферц по проекту инструкции о продовольственном вопросе в Калмыцкой степи. В доказательство актуальности обсуждаемого вопроса были приведены статические данные, иллюстрирующие зависимость калмыцкого скотоводства от природных условий. Например, в зиму 1904 / 1905 г. от бескормицы в Калмыцкой степи пало 72 684 голов различного скота, более всего пострадали Эркетеновский (15 585 голов) и Икицохуровский улусы (12 801). Анализируя количественные показатели, автор проекта инструкции отмечает, что «несмотря на выработанную долгим опытом приспособленность к местным условиям и способность извлекать средства для пропитания своего скота из песков и солонцов, всё же калмыки в суровые зимы оказываются бессильными бороться с природой, и вынуждены покорно смотреть на гибель своего достояния, превращаясь из богатых людей в бедняков, и в то же время лишая государственную казну доходов, получаемых от податей калмыков» [28, с. 171–172]. В условиях, когда скотоводство является источником существования калмыков, Вольферц предлагает считать мероприятия, направленные на сохранение скота от гибели, считать мерами к обеспечению народного продовольствия. Одним из пунктов проекта инструкции являлось предложение о введении в законодательном порядке обязательной повинности для калмыков по образованию запасов, обеспечивающих их продовольствием. К таким запасам прежде всего относились сенозаготовка и продовольственные общественные капиталы. В целом проект получил одобрение съезда, исключение составил пункт, по которому предлагалось к образованию таких запасов привлекать всех калмыков, владеющих скотом, кроме крупных скотовладельцев. При этом следует отметить,

что впервые создание сенных запасов инициировалось в 1898 г. во времена губернаторства М. А. Газенкампа. В следующем же году были разработаны правила образования этих запасов. На последующих съездах вопросы о сенных запасах обсуждались не раз.

2.4. Запрещение допуска к выпасу скота из других губерний

Не меньший вред калмыцким пастбищам наносил так называемый перегон скота астраханских крестьян в Ставропольскую губернию. В 1884 г. с разрешения министра государственных имуществ М. Н. Островского были установлены правила пропуска крестьянского скота через Калмыцкую степь. Во-первых, устанавливался трёхнедельный срок прогона — с первых чисел октября и по завершению сенокосения. Во-вторых, определялись тарифы за выпас на калмыцких землях во время перегона, доход с которых направлялся в пользу общественного капитала. За каждую овцу полагалось к уплате по 5 коп., а за крупный скот — по 15 коп. В случае нарушения установленных сроков нахождения на калмыцких землях назначалась пеня по 1 коп. в сутки за каждую овцу и 3 коп. за одну голову крупного рогатого скота. Однако, опираясь на многолетний опыт, 3 июля 1886 г. Управление калмыцким народом заявило, что так называемый прогон является «лишь предлогом для почти дарового пользования калмыцкими пастбищами» [14, л. 78 об.]. С целью прекращения несанкционированного выпаса постороннего скота для крестьян было введено дополнительное требование о предоставлении документа, удостоверяющего заключение договора аренды с указанием её срока, территории и количества пригоняемого скота.

Также административными мерами пресекалась практика торговцев по заготовке и хранению сена на калмыцких землях. Осенью 1897 г. губернатор М. А. Газенкампф распорядился ввести плату в размере 10 коп. за каждую квадратную сажень земли, занимаемую под склад сена или камыша и т. п. Вырученные средства направлялись в калмыцкий общественный капитал [17, л. 50].

Выводы

Таким образом, политика государства на её окраинах формировалась на практике путём проб и ошибок. Вдали от столичных сановников многое зависело от личности местных чиновников, от их взглядов на перспективы развития региона. Проблема преодоления суровых погодных условий зимнего периода при экстенсивном методе ведения скотоводческого хозяйства, возникнув перед инородческой администрацией в начале XIX в., не потеряла своей остроты и в XX в.

Как показала практика, мероприятия имперских властей всех уровней, направленные на сохранение благосостояния в калмыцких кочевых обществах, в особенности в зимний период, можно разделить на превентивные меры, призванные предупредить возможный ущерб, и меры, направленные на устранение последствий тяжелой зимовки. Внедряемые нововведения в виде сенозаготовки и т. п., на наш взгляд, имели положительные результаты, однако к кардинальным изменениям они не привели. Зависимость экстенсивного кочевого скотоводства сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Бадмаева, Е. Н. Кочевание и седентаризация номадов евразийской степи во второй половине XVIII – во второй половине XIX в. / Е. Н. Бадмаева, Э. У. Омакаева // *Nomadic civilization: historical research*. — 2022. — Т. 2, № 1. — С. 18–27. — doi: 10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27.
2. Батыров, В. В. Адаптация калмыцкого овцеводства к административным и природно-климатическим факторам в XIX в. / В. В. Батыров // *Вестник Калмыцкого университета*. — 2022. — № 3 (55). — С. 22–27. — doi: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-22-27.
3. Горяев, М. С. Хозяйственная деятельность населения Калмыцкой степи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / М. С. Горяев, В. Н. Авлиев // *Современные проблемы науки и образования*. — 2015. — № 2–1. — С. 600.
4. Гумилев, Л. Н. Каспий, климат и кочевники / Л. Н. Гумилев, А. А. Алексин // *Труды общества истории, археологии и этнографии, изданные Казанским государственным университетом им. В. И. Ульянова-Ленина*. — 1963. — Т. 1 (36). — С. 41–55.
5. Команджаев, А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX в.: исторический опыт и современность / А. Н. Команджаев. — Элиста : Джангар, 1999. — 262 с.
6. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. — Алматы : Дайк Пресс, 2007. — 416 с.
7. Лиджиева, И. В. Природно-климатические условия как фактор хозяйственного развития кочевых обществ (на примере калмыков) / И. В. Лиджиева // *Былые годы*. — 2022. — № 17 (3). — С. 1114–1124. — doi: 10.13187/bg.2022.3.1114.
8. Лиджиева, И. В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX в. (историко-этнографический аспект) / И. В. Лиджиева. — Элиста : КалмНЦ РАН, 2016. — 336 с.
9. Национальный архив Республики Калмыкии (далее — НА РК). — Ф. И-9. — Оп. 2. — Д. 42.
10. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 314.
11. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 315.
12. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 442.
13. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 628.
14. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 663.
15. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 952.
16. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 985.
17. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 986.
18. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 5. — Д. 866.

19. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 6. — Д. 575.
20. Небольсин, П. И. Очерки Волжского низовья / П. И. Небольсин. — Санкт-Петербург : Министерство внутренних дел, 1852. — 197 с.
21. Обзор Астраханской губернии за 1895 г.: приложение ко всеподданнейшему отчёту начальника Астраханской губернии. — Астрахань : [Б. м.], 1896. — 66 с.
22. Обзор Астраханской губернии за 1896 г.: приложение ко всеподданнейшему отчёту начальника Астраханской губернии. — Астрахань : [Б. м.], 1897. — 66 с.
23. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дookтябрьский период. — Москва : Наука, 1967. — 480 с.
24. Плетнева, С. А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей / С. А. Плетнева. — Москва : Наука, 1982. — 188 с.
25. Положение об инородцах 1892 г. // Свод законов Российской империи : в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского, юрисконсульта Министерства юстиции и преподавателя гражданского судопроизводства в Императорском Училище Правоведения ; сост. Н. П. Балканова, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. — Санкт-Петербург : Деятель, 1912. — Кн. 1, т. 2. — 737 с.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1409. — Оп. 2. — Д. 5689.
27. Сеницын, Ф. Л. Россия и кочевники. От древности до революции / Ф. Л. Сеницын. — Москва : Вече, 2021. — 288 с.
28. Труды съездов улусных попечителей 1904, 1907 и 1908 гг. — Астрахань : Паровая губ. тип., 1910. — 327 с.
29. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хасанов. — 4-е изд. и доп. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2008. — 512 с.
30. Эрдниев, У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев. — 3-е изд. — Элиста : Калмыцкое книж. изд-во, 1985. — 282 с.

References

1. Badmaeva, E. N., Omakaeva, Ye. U. Kochevanie i sedentarizatsiya nomadov evraziyskoy stepi vo vtoroy polovine XVIII – vo vtoroy polovine XIX vv. [Nomadism and sedentarization of Eurasian Steppe Nomads in the second half of XVIII – first half of XIX centuries]. *Nomadic civilization: historical research*. 2022, no. 1, pp. 18–27. doi: 10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27.
2. Batyrov, V. V. Adaptatsiya kalmytskogo ovtsevodstva k administrativnym i prirodno-klimaticheskim faktoram v XIX v. [Adaptation of Kalmyk Sheep Breeding to Administrative and Climatic Factors in the XIX Century]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2022, no. 3 (55), pp. 22–27. doi: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-22-27.
3. Goryaev, M. S., Avliev, V. N. Khozyaystvennaya deyatelnost naseleniya Kalmytskoy stepi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Economic activity of the population of the Kalmyk steppe (second half of the XVIII – first half of the XIX century)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015, no. 2–1, p. 600.
4. Gumilev, L. N., Aleksin, A. A. Kaspiy, klimat i kochevniki [Caspian, climate and nomads]. *Trudy obshchestva istorii, arkhologii i etnografii, izdannom Kazanskim gosudrstvennym universitetom imeni V. I. Ulyanova-Lenina* [Proceedings of the Society of History, Archeology and Ethnography published by Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin]. 1963, vol. 1 (36), pp. 41–55.
5. Komandzhaev, A. N. *Khozyaystvo i sotsialnye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost* [Economy and social relations in Kalmykia in the late XIX – early XX century: historical experience and modernity]. Elista: Dzhangar; 1999, 262 p.
6. Kradin, N. N. *Kochevniki Evrazii* [The Nomads of Eurasia]. Almaty: Dayk Press; 2007, 416 p.
7. Lidzheva, I. V. Prirodno-klimaticheskie usloviya kak faktor khozyaystvennogo razvitiya kochevykh obshchestv (na primere kalmykov) [Natural and Climatic Conditions as a Factor of Development/Stagnation of Nomadic Societies (on the Example of the Kalmyks)]. *Bylye gody* [Bylye Gody]. 2022, no. 17 (3), pp. 1114–1124. doi: 10.13187/bg.2022.3.1114.
8. Lidzheva, I. V. *Mestnoe samoupravlenie kalmykov v XIX – nachale XX v. (istoriko-etnograficheskiy aspekt)* [Local self-government of Kalmyks in the XIX – early XX century (historical and ethnographic aspect)]. Elista: Kalmyk Scientific Center RAS; 2016, 336 p.
9. *National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK)*. Found I-9, inventory 2, case 42.
10. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 314.
11. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 315.
12. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 442.
13. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 628.
14. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 663.
15. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 952.
16. *NA RK*. Found I-9, inventory 4, case 986.
17. *NA RK*. Found I-9, inventory 5, case 866.
18. *NA RK*. Found I-9, inventory 5, case 886.
19. *NA RK*. Found I-9, inventory 6, case 575.
20. Nebolsin, P. I. *Ocherki Volzhskogo nizoviya* [Sketches of the Volga lower reaches]. Saint Petersburg: Ministry of Internal Affairs; 1852, 197 p.
21. *Obzor Astrakhanskoj gubernii za 1895 god: prilozhenie ko vsepoddanneyshemu otchetu nachalnika Astrakhanskoj gubernii* [Review of the Astrakhan province for 1895: appendix to the most comprehensive report of the head of the Astrakhan province]. Astrakhan: 1896, 66 p.
22. *Obzor Astrakhanskoj gubernii za 1896 god: prilozhenie ko vsepoddanneyshemu otchetu nachalnika Astrakhanskoj gubernii* [Review of the Astrakhan province for 1896: appendix to the most comprehensive report of the head of the Astrakhan province]. Astrakhan: 1897, 66 p.
23. *Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabrskiy period* [Essays on the history of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. Pre-October period]. Moscow: Nauka; 1967, 480 p.

24. Pletneva, S. A. *Kochevniki Srednevekovya: Poiski istoricheskikh zakonemernostey* [Nomads of the Middle Ages: Search for historical patterns]. Moscow: Nauka; 1982, 188 p.
25. Polozhenie ob inorodtsakh 1892 g. [Regulation on foreigners 1892]. Balkanova, N. P., Voyt, S. S., Gertsenberg, V. Ye. *Svod zakonov Rossiyskoj imperii: v 5 knigakh* [Code of Laws of the Russian Empire: in 5 books]. Ed. by I. D. Mordukhay-Boltovskoy. Saint Petersburg: Deyatel; 1912, book. 1, part 2, 737 p.
26. *The Russian State Historical Archive*. Found 1409, inventory 2, case 5689.
27. Sinitsyn, F. L. *Rossiya i kochevniki. Ot drevnosti do revolyutsii* [Russia and nomads. From antiquity to revolution]. Moscow: Veche; 2021, 288 p.
28. *Trudy sezdom ulusnykh popечитеley 1904, 1907 i 1908 gg.* [Proceedings of the congresses of the ulus trustees of 1904, 1907 and 1908]. Astrakhan: Parovaya gubernskaya tipografiya; 1910, 327 p.
29. Khazanov, A. M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outside world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2008, 4th ed., 512 p.
30. Erdniev, U. Ye. *Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kalmyks: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1985, 3rd ed., 282 p.

Информация об авторах

Шургучиева Ю. С. — магистрант;

Горяев М.С. — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

Shurguchieva Yu. S. — master's student;

Goryaev M. S. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

Шургучиева Ю. С. — разработка концепции исследования, работа по выявлению источников, подготовка исходного текста;

Горяев М. С. — анализ историографии; доработка текста.

Contribution of the authors

Shurguchieva Yu. S. — development of the research concept, work on identifying sources, preparation of the source text;

Goryaev M. S. — analysis of historiography; revision of the text.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 27.03.2023.